

Мария
Метлицкая

Верный МУЖ

Мария Метлицкая

Верный муж (сборник)

Серия «За чужими окнами»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6724540
Мария Метлицкая. Верный муж: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71092-8

Аннотация

Мы выбираем, нас выбирают... Счастье, когда чувства взаимны. А если нет?

История, которая легла в основу повести «Верный муж», открывающей эту книгу, реальна. На одной из многочисленных читательских встреч ко мне подошла женщина и вручила сверток с письмами. Я о них, признаться, забыла, а когда вспомнила и начала читать, не смогла оторваться.

В этих письмах было столько страсти, столько муки, столько радости... Я никогда не знала мужчину, который писал эти письма, не была знакома с женщиной, которой они адресованы. Но мне казалось, я слышу их голоса, вижу их лица. И прекрасно представляю чувства своей героини, которая после смерти любимого мужа обнаружила их – чужие письма, где были те самые слова, которых она ждала всю жизнь...

Содержание

Верный муж

4

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Мария Метлицкая

Верный муж

Верный муж

Теперь ее день начинался совсем по-другому. Не так, как прежде. Прежняя жизнь канула в Лету: и привычки, и распорядок, и планы – все поменялось и развернулось в другую сторону.

Все закончилось со смертью мужа. Началась новая жизнь. Каждый день Надя уговаривала себя, что и к этому привыкают. Да ко всему люди привыкают, что говорить! А уж сколько вдов в ее возрасте! Гораздо больше, чем вдовцов, – таково реалии жизни, никуда не деться.

Со смерти мужа времени прошло совсем мало – всего-то полгода. Что это по сравнению с целой жизнью длиною в двадцать семь лет! Приятельницы, уже прошедшие нелегкий путь вдовства, утешали как могли и делились опытом. Одна предлагала вязать на спицах, другая – уехать к родне в другой город, третья – отправиться в путешествие по разным странам. Четвертая фанатично занялась здоровьем – бассейн три раза в неделю и какая-то новомодная аэробика.

Все это было не для нее. Вязание и всякое рукоделие ее только раздражали, родни в провинции не имелось вовсе, пу-

тешествовать было уж совсем неохота – все поездки были семейными, и представить себя одной на пароходе или на пляже было совсем нелепо и даже страшновато.

А уж про фитнес-центры – ну это вообще смешно! Спортсменка из нее...

Дочка Любочка жила в Португалии – муж-грек (вот как бывает) отправился туда в поисках лучшей доли. Кризис в Греции давал о себе знать, и у детей был сейчас тоже несладкий период – жили у брата мужа, работал один зять, дочка искала работу, но пока безуспешно.

Что оставалось в пенсионерской и одинокой отныне жизни? Да по сути – ничего. Готовку Надежда забросила – столько лет у плиты! Осточертело.

К подругам часто не поездишь – усталость, да и, потом, у всех свои дела и проблемы. Выходило, что в сухом остатке у нее книги, телевизор, походы в магазин и, пожалуй, все – как ни прискорбно.

Все лето она провела на даче, хотя с погодой не повезло – в июне беспрерывно лили дожди, в июле стояла невыносимая жара, а в августе опять зарядили дожди и стало холодно, да так, что печку приходилось топить ежедневно. А как только закончились дрова, она с облегчением и радостью закрыла ставни, убрала подушки и одеяла на чердак, укрыла гортензию и розы лапником и поспешила в Москву.

В квартире тоже было не ахти – и сыро, и холодно. И тоже совсем одиноко. В комнату мужа Надежда не заходила.

Пока не заходила. Ждала, пока чуть отпустит, хотя бы самую малость. Только приоткрывала дверь, пытаюсь уловить хоть какой-то знакомый запах, но... Запахов не было. Запахи, даже самые стойкие, имели способность улетучиваться и испаряться. В отличие от человеческой боли, воспоминаний и переживаний.

Теперь она могла спать хоть до полудня и в первые месяцы так и делала – вставала в двенадцать, пила чай и снова ложилась. Потом взяла себя в руки. Пыталась хлопотать по дому. Да какие это были хлопоты! Смешно, ей-богу! После той ее жизни, где все было подчинено семье, мужу, заботам о его здоровье, особенно в последние годы, когда он уже тяжело и безнадежно болел. Да и раньше, до его болезни, расслабиться ей не удавалось – слишком требователен был Григорий Петрович, даже капризен. Впрочем, здесь и ее доля вины, да еще какая! Дочка говорила, что ее шея – отличный плацдарм, удобный и комфортный. Если уж кто присядет, обратно не сгонишь точно.

Но здесь надо было учитывать особые обстоятельства ее жизни. А именно то, что она вышла замуж, да и за приличного, очень интересного внешне, обеспеченного и интеллигентного человека, и это было огромной удачей и везением. Ей к тому времени исполнилось тридцать два года, и внешность у нее была совсем незначительная, плюс к тому – отчаянная бедность и отсутствие всяких надежд на какие-либо перемены.

Знакомство с Григорием Петровичем было дано свыше, не иначе, так как ее шансы были ничтожны. Она уже перестала мечтать не только о замужестве, но и просто о незначительных отношениях с мужчиной – она была согласна на роль любовницы или подруги, жилетки или плеча, но и их ей, увы, никто не предлагал. И даже мать, не терявшая надежду до последнего, перестала ходить в церковь (разумеется, потихоньку от дочки) и ставить свечки всем святым подряд.

Подруги все были давно при мужьях и при детях, самые отчаянные заводили интрижки на работе и курортах, горели в страстях, убивались в семейных хлопотах, меняли наряды и прически и больше всего боялись, что молодость исчезает, испаряется, и трагично отмечали, как неумолимо бежит время.

А Наденька Круглова была спокойна и рассудительна: так – значит, так. Не всем быть при муже и не всем иметь ребенка. У всех своя судьба, ее, как известно, не обманешь и вокруг пальца не обведешь.

Обвела. Обвела судьбу тихая Наденька. Да еще как обвела! Вот уж дала она тогда повод для пересудов всем подружкам и соседкам! Было чем заняться. Все диву давались – Надька! Все тихой сапой! Скромная такая, мышка серая! Не просто замуж – вот ведь в чем дело. Не из серии – на каждую гаденькую найдется свой плохонький. Где там! Мужа оторвала интересного, солидного, с положением. Зарплата, квартира, машина! Вот дела! И непьющий мужик, и вро-

де не гулящий! Интеллигент, одно слово. Приличный человек. И завидовали Наде – как без этого – даже те, кто давно был «в семье» и с детишками. Что подделаешь – так человек устроен. А все потому, что у красавиц и умниц таких мужей не было. А у «этой Надьки»...

За что, спрашивается? За какие такие заслуги? А не за какие. Просто судьба.

А что у Нади на сердце, какие печали – это всем знать ни к чему.

А были печали, были! И слезы были, и бессонные ночи. Все было. Только никому-никому она об этом не рассказывала, потому что личное на то и личное, чтобы без посторонних глаз.

Нет! Все равно она считала, что счастлива! Бога не гневил – ни-ни! И муж порядочный, и дочку родила. И это почти в тридцать пять! Все успела. Муж слова грубого за всю жизнь не сказал, душой не обозвал ни разу. И дочка удачная – всем бы таких детей! Болела не много, в школе успевала хорошо. Шляться не шлялась, по подъездам не терлась, не курила и на дискотеки не бегала. В восемнадцать замуж вышла за иностранца. И опять пересуды – дала Любашка! Всем нос утерла! А ведь не такая красавица – ничего примечательного! Таких миллионы. Укатила в Грецию.

Ну без гадостей не обошлось – дескать, бросила родителей в такую минуту! Отец почти не встает, мать буквально рвется.

А Любаша уехала. Не бросила их, а уехала, за мужем, потому что у нее теперь семья. А семья – это святое, так ее мать воспитала. И не забывала их, между прочим, звонила по три раза в неделю. Лекарства присылала отцу иногда.

Да, на похороны отца Любочка не приехала. Не потому, что денег пожалела, а потому, что Наденька дочь пожалела, кровиночку свою. Не написала, что отец скончался. Вернее, написала, но потом, после похорон. Знала, как у детей плохо с деньгами. И было ей наплевать на пересуды за спиной.

Семья – это государство. Свой король и свои подданные. Свои устои и свои законы. Хочешь – принимай и живи счастливо. Хочешь – бастуй и живи в немилости.

Королем в семье был муж, Гриша. А Наденька с Любашей – подданные. И что в этом плохого? Король отвечает за них, за подданных. Заботится и оберегает. Все решения принимает сам. И они с этим согласны. Так спокойнее, не правда ли?

Будущий муж, тогда еще жених, был предельно честен. Сказал сразу: «Примешь то, что я говорю, жить будем мирно и спокойно. Хорошо будем жить. Будешь возражать, ничего не выйдет – ни семьи, ни дома. Вот так. И это мой ультиматум».

Надя хотела. И приняла все, без уточнений и вопросов. Потому что из понятливых и еще потому, что любила. Вот и объяснение. Все просто. Она даже не удивилась мужнину ультиматуму. Тихо сказала: «Хорошо. Я согласна». Не дума-

ла ни минуты.

А ультиматум был серьезный. Из нескольких пунктов. Во-первых, никаких гостей. Мой дом – моя крепость. И в гости тоже – ни-ни. Не любит он это. Сама – пожалуйста, бога ради. И в театры, и в кино – с мамой или с подружками. Он не изверг и не садист. Далее, влажная уборка каждый день – Григорий Петрович аллергик. Дальше – завтрак, обед и ужин. Как «Отче наш». С утра – овсянка. В обед суп и второе. Кисель (предпочтительней) или компот. Ужин легкий – здесь уж она сама разберется.

Спальни разные – так всем будет удобнее. Он привык читать за полночь, да и спит неважно – что ее беспокоить. Что ж, разумно. Обиделась про себя и ненадолго. Против логики и здравого смысла не попрешь.

Потом даже оценила. С возрастом, правда.

Отдыхать вместе – через год. Он любит уединение. По этой же причине в его комнату без стука не входить.

Обидно? Да ерунда, бросьте. Человек имеет право! К тому же надо понимать: он так привык. Столько лет прожил в одиночестве!

И это Надя приняла. Ну в конце концов – в чем здесь трагедия? Зарплату муж отдавал до копейки. В кино и к подружкам отпускал. Правда, к его приходу она должна была быть дома... А что тут такого? Работа у него тяжелая, ответственная. Это не ее работа – курам на смех. Синекура, а не работа – пешочком да на полдня, в поликлинике районной ста-

тистиком. Прошлась по свежему воздуху, размялась. Не спеша, по липовой аллейке. Ни транспорта общественного, ни давки. На обратном пути – в булочную и молочную. Сказка, а не работа!

И тряпкой влажной полы и мебель протереть не грех и не тяжесть. А кашу овсяную сварить и кисель – тоже невелик труд.

Да и пылесос муж тут же купил импортный. И стиральную машинку.

И на курорт ездили по путевке. Никаких каморок и столовых – номер с видом на море, питание диетическое, виноград и персики на блюде. Свой пляж с лежаками. Райская жизнь!

Дочку муж любил. Ничего ей не жалел – ни игрушек, ни платьев, ни развлечений. В семь лет купил пианино, чтобы Любочка слух развивала.

На что жаловаться? Не на что, правильно. Только господа и судьбу каждый день благодарить за такого отца и мужа. И к маме ее, кстати, относился хорошо: ни слова грубого, ни взгляда. Денег на новый холодильник дал.

Все делал для семьи и все во благо. Упрекнуть человека не в чем! Не муж, а идеал всех женщин.

Да, все так. Все правда. Только вот слова «люблю» он Наде за всю жизнь ни разу не сказал. «Спасибо» – да, было. Особенно под конец жизни, когда болел.

А за что, собственно, «спасибо»? За то, что ухаживала? Честно исполняла свой долг?

Ну тогда она ему каждый день должна была кланяться. Поклоны бить.

А разве он требовал? Никогда себя не хвалил и ее не попрекал.

Сложный человек, понятно. А кто простой? Вот покажите!

Да нет, не показывайте! Потому что ей неинтересно, как и кто там живет.

У нее есть семья! Государство! Ее, личное. Ее и его. И они в нем сами разберутся. Не сомневайтесь.

А про то, что «люблю» не говорил...

Так он однажды сказал: «Человек определяется не словами, а делами. У тебя есть претензии?»

Нет. Претензий у нее не было.

А вот было ли счастье? Вопрос.

Интересное дело – судьба. И на танцы ведь молодая ходила, и в кинишко, и на каток с подружками. Позже – в компании разные. С мамой ездила на курорт. И ничего! Ни одного серьезного романа! Так, пара-тройка незначительных свиданий.

А тут поехала к тетке на Сретенку, села на бульваре передохнуть. Рядом мужчина – солидный, интересный. Газету читает. Она взгляд мельком кинула и отвернулась. Доела

мороженое, передохнула и встала со скамейки. А он газету отложил и спрашивает: «Торопитесь?»

Она от неожиданности головой мотнула и снова на скамейку плюхнулась.

Так и познакомились. Прошлись по Сретенскому, потом до самой Сухаревки дошли. Как – за разговорами и не заметили.

Назавтра снова встретились. Опять гуляли. Осень тогда стояла сказочная! Октябрь, а тепло, как летом.

Гуляли три недели. А потом Григорий Петрович предложил Наденьке выйти за него замуж.

Она почему-то расплакалась и сразу кивнула.

А ночь не спала и думала, что назавтра он рассмеется и скажет, что пошутил.

Не сказал. И через два месяца сыграли свадьбу.

Что она знала о своем муже? А ничего. Сразу поняла: спрашивать не надо. И не в том дело, что Надя Круглова, в замужестве Панкратова, была шибко умной или шибко опытной – какой у нее опыт, смешно! А потому, что чуйка у нее была, природное такое свойство: не лезть в чужую душу, не интересоваться подробностями, не стремиться узнать того, о чем ей не пожелали рассказать. Нелюбопытной была Надя – наверное, так. И еще – стеснительной. Конечно,

понимала: муж Гриша достался ей человеком сложившимся, взрослым. К тому же красавец, что говорить. Понятно, что баб у него было в избытке. А вот от подробностей увольте. Не ее это дело. Важно, что есть сейчас. А про прошлое бог с ним. Как говорила мама, меньше знаешь, крепче спишь.

Правда, одна Гришина родственница, Лена-беленькая, препротивная, надо сказать, особа, сплетница и интриганка отъявленная, за которой водился грешок людей, как собак, стравливать, поймала ее в коридоре, завела в темный угол и попыталась «рассказать все, как оно действительно было». Надя, совсем молодая жена, болтливую родственницу остановила резко, что в принципе ей было не свойственно:

– Не интересно нисколько, не тратьте зря времени!

Ленка эта аж кипящей слюной подавилась:

– Как это так? Про баб его не интересно? Такие были темы! – И она в блаженстве закатила глаза.

– Ни капли не интересно! – подтвердила Надя и, решительно отодвинув Лену, пошла прочь.

Та так и осталась с открытым ртом, да еще и обиделась – пару лет трындела, что жена у Гришки неполноценная. Дура прям какая-то. Хорошая пара: он, придурок спесивый, и она, недоделанная.

Потом Надежда поняла, почему Гриша к этим «родственничкам» ни ногой. Ни на праздники, ни на дни рождения. Только если похороны – здесь не отбрешешься.

Жили хорошо – ни ругани, ни скандалов. Мужа Надя ува-

жала, ценила и... побаивалась немного, совсем чуть-чуть. Особенно когда он брови хмурил и покрывал недовольно – была у него такая привычка. Отцом Григорий Петрович был для Любаши справедливым – ни разу на нее просто так не сорвался, не заорал, как это часто у мужиков бывает, когда устали или настроения нет. Правда, и не занимался с ней никогда – в игрушки не играл, книжек не читал. А что тут такого? Все мужики такие. Ну или почти все. Все женщины на мужей жаловались. Только не Надя. Никогда – даже матери родной, не говоря о подружках, слова дурного о муже не сказала. Ни разу! Да и говорить было особенно нечего.

А что неласковый – так это характер такой, куда деваться!

Иногда, когда ехали в машине и радио слушали, а там какая-нибудь песня про любовь, «Опустела без тебя земля» например, у Нади от волнения в горле перехватывало. Бросала она взгляд на мужа и мечтала, что посмотрит он сейчас на нее нежно, возьмет за руку и чуть сожмет ее пальцы.

И им обоим станет понятно, что они друг для друга значат. Можно и без слов – и так понятно, даже если просто взгляд и ладонь в ладонь.

Нет. Не было этого. Взгляд ее он чувствовал, а вот головы не поворачивал. Только брови хмурил и губы поджимал – сразу видно, что раздражался.

Надя вздыхала и смотрела на дорогу – так, значит, так. Несентиментальный человек – вот что это значит. И больше ничего.

А то, что называется интимная жизнь, с Наденькиным-то опытом... Откуда ей было знать, как и что в этой самой интимной жизни бывает! И с подружками на эту щекотливую тему она, разумеется, не разговаривала. А с мамой – тем па-че.

Правда, когда видела в метро или в театре, как мужчина держит спутницу за руку, или поправляет ей воротничок на платье, или просто смотрит на нее, екало в сердце, ныло как-то тревожно.

Не было у нее ничего подобного. Ни разу в жизни не было. Обидно, а что делать? Было чем себя утешить – такого мужа, как у нее, еще поискать: верного, порядочного, непьющего. Сколько бы ей позавидовало женщин! А она разнюнивается, сопли распускает. Корила себя, стыдила.

Мама однажды спросила:

– Любишь его, Наденька?

А она споткнулась на ответе, задумалась. Минуту всего, а мама вздохнула, да так тяжело...

И тихо сказала:

– А я так и думала.

Надя тотчас спохватилась и даже на маму накричала.

– Думала? О чем таком ты думала, позволь спросить? Нет, давай уточним! – горячилась она.

Тихая мама обиделась и всплакнула.

А Наденька на нее еще долго злилась, почти целый месяц.

А потом подумала: не на себя ли она злится? А может, на

Гришу? Или вообще – на жизнь?

Еще Надя наблюдала потихоньку за мужем – реагирует ли он на красивых женщин? Нет, ничего похожего. Можно спать спокойно. Головой, как петух, вслед красавицам не крутит, взгляды исподтишка не бросает, на пляже стройных красоток не отслеживает.

А однажды в санатории в Хосте за их столиком в столовой оказалась одна такая активная дамочка, полковничья жена Виолетта Семеновна. Стройная не по годам, талия, грудь – ну Мэрилин Монро просто. «Бабетта» вполметра на голове, «стрелки» до ушей, помада фиолетовая. Видно за версту – полковая Мессалина. К вниманию привыкла, как солдат к побудке.

В столовую заходит лебедью белой – плывет между столиками, как танцовщицы из «Березки». Духами разит за версту. Вот так соседка досталась – даже сердце у Наденьки тоскливо заныло.

И глазами эта Виолетта шьет, как машинка «Зингер», и смехом хрустальным заливается:

– Григорий Петрович, ах, салатик передайте, если, конечно, не трудно! Хлебушка белого пару кусочков будьте добреньки! Мне, знаете ли, что черный хлеб, что белый... Без разницы! С моей-то конституцией!

Обращается только к Грише, Нади за столом вроде как и нет.

И все балаболит, балаболит без остановки – и про погоду, и про персонал, и про танцы ежевечерние. А Гриша только лоб морщит. И еще губы кривит. Видно, что осточертела ему эта мадам – дальше некуда. Даже за соседний стол хотел пересесть. Надежда остановила – сказала, неприлично. Слишком явно как-то.

Так и мучился весь срок, гримасы корчил. Торопился поскорее поесть и из столовой убежать.

Потом до этой Виолетты дошло – обиделась даже.

– Нелюбезный вы какой-то, Григорий Петрович! Не умеете с дамами обращаться! И как жена ваша вас такого терпит!

Гриша руками развел:

– Ну уж какой есть! Простите великодушно!

А Наденька даже рот открыла, чтобы эту хамку осадить, да не успела – муж ее за руку взял и быстренько из столовой увел.

Впрочем, кукла эта пустая, Виолетта, не показатель. Была еще у Наденьки в молодости подруга, Тая Стукалина. Вот уж где имелись красота природная и ум – два в одном. Таечка эта была похожа на молодую Марину Влади – белые волосы по плечам, высокие скулы.

Молчаливая, тихая, а видно, что в глазах огонь. О такую опалиться раз плюнуть – так хороша и непонятна как-то. Что у нее на сердце, какие страсти?

Таечка поэзией увлекалась – Ахматовой, Блоком. Стихи читала тихо, вполголоса, а пробирало до основания, до слез.

Да и сама писала стихи – очень неплохие, кстати, стихи.

Гриша тоже слушал. А потом встал и сказал:

– Спасибо. Хорошо читаете. А сейчас – извините, дела. –

И ушел к себе в комнату.

Однажды даже Ленка-беленькая на очередных поминках многочисленной Гришиной родни Наде шепнула:

– А у Гришки твоего, часом, все ли в порядке по мужской части? Или вывеска одна?

– Это, видно, у тебя не все в порядке, – грубо ответила негрубая Надя. – Ты ведь без мужа, кажется, лет пять уже? Или больше? – ехидно уточнила она.

Ленка дернулась и побледнела.

– Оперилась пташка, дерзкая стала, – прошипела она и больше к Наде не подходила.

Впрочем, были пару раз у Нади сомнения, были. Именно сомнения – не подозрения. Уже хорошо.

Уезжал иногда муж Гриша. Уезжал внезапно и резко. Она уже ужин подогревала и на часы посматривала, а он ей из автомата звонил с вокзала – слышно голос диктора, что время прибытий и отправлений объявляет. Муж коротко так бросал:

– Мне надо уехать, Надежда. По срочным делам. Дня на три или на два – как выйдет. Срочная командировка.

Слышно плохо, она в трубку кричит:

– Что-то случилось, Гришенька? К чему такая срочность?

– Все нормально, – весь ответ. И короткий зуммер в труб-

ке.

Чего греха таить – искала по карманам билеты, искала. Хоть какие-нибудь доказательства. Ничего. Ни билетов, ни каких-то записок. Куда, зачем? И к кому – вот главный вопрос.

Возвращался Григорий, правда, на следующий день – почти всегда. Злой, раздраженный. И еще – задумчивый. Зашла однажды в его комнату – со стуком, как положено, а он стоит у окна – как окаменел. Даже на нее обернулся спустя пару минут. У Нади тогда сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Посмотрел на нее так... словно она пыль под ногами.

А она – ни одного вопроса – ни-ни.

– Есть будешь, Гришенька? Я уже щи подогрела.

И еще было – квитанцию она в кармане его пиджака нашла. Перед химчисткой карманы вывернула. А там квиток о почтовом переводе на сумму тридцать рублей. Серьезная сумма. Получатель – какая-то Э. Минц. Или какой-то? А адрес – город Калуга. Кто этот Минц? Раньше она про такого не слышала. Или – такую?

Две ночи не спала и все-таки решилась. Показала мужу квиток и задала естественный для любой женщины вопрос.

Он смутился и даже покраснел – чуть-чуть. Сказал резко: – Родственник. Бедный и одинокий. Иногда... Иногда, – повторил Григорий Петрович, слегка повысив голос, – я ему помогаю. И на тебе, кстати, это никак не отражается, заметь! Ни на тебе, ни на дочке! А по моим карманам впредь прошу

не лазать! Убедительно прошу! И в вещах моих не копать-ся! – Голос его совсем окреп.

Надя тихо залепетала – да не копалась я, Гриша! Просто пиджак перед чисткой...

А через неделю муж принес ей путевку в Германию – на работе выпросил.

Как извинился, что ли. И как на такого мужа обижаться? Грех, одно слово.

В ГДР она, разумеется, поехала. Поездка была интересная, насыщенная. По музеям, городам – всю Восточную Германию проехали. И подруга у нее там появилась – первая, с кем она о жизни своей и тревогах поделилась – так вышло.

Долго этот Минц не давал ей покоя, много месяцев. А новая знакомая оказалась женщиной мудрейшей – за спиной три брака, и все счастливые, смеялась она.

– А что же вы тогда от хороших мужей уходили? – удивилась Надя.

– А следующий лучше предыдущего оказывался, – опять смеялась новая приятельница.

Звали ее Эра Львовна. Было ей за пятьдесят, и работала она экскурсоводом в Музее революции. Говорила, что всю жизнь «брешет про героев Октября». На языке язвы должны появиться от такого вранья.

Про почтовую квитанцию для загадочного Минца она Наде сказала так:

– Забудьте. Скорее всего, это и вправду бедный родствен-

ник. Или приятель. Может, жалость. А может – долг. Кто знает? Такие закрытые и суровые люди, как ваш Григорий, часто оказываются в душе людьми трепетными и сентиментальными. А если это и грешки юности – так и бог с ними. Каждый человек имеет право на тайну. И вы, Наденька, тоже.

– Какие у меня тайны, – удивилась она. – Вся моя жизнь – как на ладони.

И почему-то успокоилась. Бог с ним, с этим Минцем. Откровения действительно не для ее мужа. Да и какая жена обрадуется, что от семьи отрываются деньги?

Однажды Григорий ей сказал:

– Спасибо тебе!

Она подумала, что про холодец, который он обожал. Заглянула в холодильник – лоток с холодцом был не тронут.

Она позволила себе уточнить:

– За что, Гриша?

– А за то, что жить не мешаешь! – ответил он.

Она тогда села на стул и полчаса не вставала. Даже молоко из кастрюли выкипело и запеклось коричневой коркой на новой плите. А запах стоял! Ну понятно – когда молоко убегает.

«Сомнительный комплимент, – подумалось ей. – Очень сомнительный». Можно долго переживать и искать в этом

глубокий смысл. А переживать не хотелось. Так же, как и уточнять: «В смысле?»

И она выкинула эту фразу из головы. Не сразу, но выкинула. Пусть лежит на задворках вместе с этим самым Минцем – тю-тю!

Долго потом вспоминала наставления туристической подруги Эры: «Живи веселей! Неприятности сами в ворота постучат, без твоей помощи!» А сколько потом она удивлялась Гришиной сердечности и порядочности!

Когда заболела мама, устраивал в лучшие клиники, говорил, чтобы денег ни на что не жалела, ни на врачей, ни на лекарства. И похороны мамочкины обставил: гроб, отпевание, поминки в кафе. Потом памятник – камень выбрал не из дешевых, ограду кованую. Ни на чем не экономил.

Заставил Надю шубу пошить каракулевою – коричневую, которая была в два раза дороже заезженной черной.

И дочке – все самое лучшее. Джинсы, магнитофон, сапожки итальянские.

Правда, расстроила его Любаша – институт бросила и замуж выскочила. Но он слова не сказал – не попрекнул ни разу.

А Надя видела, как муж страдает, что единственная дочка неучем осталась и сразу замуж – да еще и за иностранца.

Правда, сказала ему:

– Не печалься, Гриша! Там, за границей, жизнь сытней и проще! Пусть ей будет полегче!

Он тогда взглянул, как полыхнул:

– Ты, Надя, дура! – В первый раз обозвал! – Там хорошо, где нас нет. А что внуков своих будешь видеть раз в пятилетку – об этом ты подумала? Считай, что нет у тебя теперь ни дочери, ни внуков.

А ведь прав оказался! И легко Любаше не было ни одного дня! Ни одного! Поняла – везде простому человеку несладко, если ты не богач.

Да и про внуков она думала. Когда их увидит? Впрочем, Любаше было совсем не до детей – самим бы выжить и выстоять. Что ж получалось? Никакого рая там, за границей, нет? Выходит, так. Надежда даже начала уговаривать дочку вернуться. Та ни в какую:

– Что ты, мама? О чем говоришь? Лучше будем биться за кусок хлеба там, чем у вас, в России.

Так и написала – «у вас». Поняла Надя, что о возвращении и говорить нечего, не вернется дочь.

Григорий Петрович болел долго, почти восемь лет. Всю жизнь прожил крепким мужчиной, даже простудами не болел. А после пенсии весь посыпался. Все и сразу – гипертония, язва, артрит и прочие прелести. Надя тоже стала прибаливать, но было не до себя. Муж стал требовать такого внимания и такой заботы, что даже не оставалось времени измерить себе давление.

Теперь он стал требовать строжайшей диеты, прогуливался в парке по часам, спать укладывался в десять вечера. Не

забывал и про дневной сон. Давление мерил по десять раз на дню. Надя только и слышала пикание аппарата.

Сначала посмеивалась, а потом стала раздражаться. Один раз не сдержалась:

– Ну, что ты, ей-богу!

Муж обиделся и весь вечер с Надей не разговаривал. И язык свой она опять прикусила – нельзя с ним так. Такой вот сложный человек ее муж.

Два раза в год Григорий Петрович ложился в больницу – на обследование. Врачами был всегда недоволен – нет должного внимания. Одна врачиха, довольно, кстати, милая женщина, посоветовала ему заняться делом.

Он возмутился и опять обиделся (в том числе и на бедную и ни в чем не повинную Надю):

– Каким таким делом? Я всю жизнь работал! Пахал как проклятый. А сейчас, на пенсии, когда я стал инвалидом, меня в чем-то смеют попрекать?

– Ну, какой вы инвалид, Григорий Петрович? Это сильное преувеличение, – вздохнула врачиха и с жалостью посмотрела на Надю.

Надя свои проблемы от мужа скрывала – как и всю жизнь скрывала свои печали и горести. Однажды случился гипертонический криз. Пришлось вызвать «Скорую». Предлагали больницу – она написала отказ:

– Как я мужа оставляю?

Врач возмутился:

– А что, он у вас неходячий? Или незрячий, может?

Надя прижала палец к губам:

– Тише, пожалуйста, тише!

«Скорая» уехала, и она через десять минут поднялась и поплелась на кухню готовить мужу ужин.

Ужин он съел молча и с обидой сказал:

– Как ты меня расстроила! Даже голова разболелась!

И Надя поняла – будет помирать, а «неотложку» не вызовет. Ляжет тихонько и просто закроет глаза.

Правда, жаловалась дочке в письмах. А та отвечала: «Гони его, мама, на работу. Ну хоть гаражи во дворе сторожить. Или в магазин пусть шастает, на рынок».

Про работу Надя, естественно, говорить не посмела – даже намеком. А в магазин сходить попросила. Крику было! И про артрит, и про радикулит, и про давление. Она лепетала что-то в свое оправдание и рот свой закрыла уже навсегда.

А Григорий Петрович как накликал – и вправду заболел серьезно. Сделали операцию, и уж после нее... Что там говорить. После операции он себя заживо закопал.

Вставать почти перестал, даже ел в кровати.

Онколог сказал:

– Нужна воля к жизни. А у него ее нет. Ни желания, ни мотивации. Сколько протянет – неизвестно. А мог бы прожить еще немало.

Последние два года были совсем тяжелые – истерики, капризы, обиды.

Надя даже к психологу пошла. Та (идиотка!) посоветовала ей почаще уходить из дома, купить себе новое пальто и туфли на каблуках. И разумеется, не бросаться к мужу по первому зову.

Все это было такой чушью, что Надя рассмеялась ей в лицо:

– Господи! И что такое вы мне советуете!

Ушла, не попрощавшись. Только деньги на стол положила.

Хорошо, что онколог Гришин выписал ей снотворное. Стала хоть спать по ночам – пусть тревожно, некрепко.

За неделю до смерти Григорий Петрович попросил показать ему альбом с семейными фотографиями. Она принесла его – кстати, довольно тощий. Фотографироваться семейно муж никогда не любил. Пара свадебных снимков, пара снимков «на югах», еще несколько прибалтийских. Ее карточки из той поездки в Германию и остальные – Любашины: детство, школа, выпускной, свадьба в болгарском ресторане «София».

Муж долго и внимательно рассматривал старые фото, задерживаясь взглядом на тех редких, семейных. Вертел в руках ее «немецкие» снимки. Вдруг стал подробно расспрашивать про ту давнюю поездку. Она посмеялась:

– Ничего уже почти не помню, Гриша!

А он тихо сказал:

– А я помню. Ты тогда все только мне и Любе привезла.

Себе – ничего. А я еще долго носил и рубашки, и галстуки. И свитер синий в серую полоску обожал. И ботинки черные.

– Ну и на здоровье! – улыбнулась Надя. – Значит, с душой покупала!

Муж внимательно посмотрел на нее и тихо сказал:

– Спасибо. То, что с душой, – определено.

Надежда погладила мужа по бледной, заросшей щеке, и он впервые не дернулся, не мотнул головой и даже задержал ее руку в своей.

– Спасибо, что с душой, – задумчиво повторил он и от-вернулся к стене.

Она тихо вышла из комнаты. Села на кухне и заплакала. Не от обиды – от нежности и от того, что все поняла: скоро она останется совсем одна.

И расценивала она это не как освобождение или облегче-ние, а как большое, огромное и очень страшное горе.

После похорон и поминок – пара ее приятельниц-пенсио-нерок, пара Гришиных родственников во главе со все той же Ленкой-беленькой и Женя, соседка по лестничной клетке, всегда готовая прийти на помощь, – Надя почти три месяца не выходила из дома, и Женя покупала ей продукты – хлеб, молоко, масло, сыр. Иногда, краснея и извиняясь, приносила кастрюльку бульона или еще теплых блинов.

Надя благодарила ее и не отказывалась – зачем обижать хорошего человека. Бульон и блины съедала, совсем не чувствуя вкуса. Тупо глядела в экран телевизора или в книжку, совершенно не понимая, о чем идет речь.

Потом постепенно взяла себя в руки. Куда ж деваться! Жизнь продолжается! Банально, но факт.

Стала писать дочке подробные письма, полные воспоминаний – а помнишь, Любашка?

После каждого письма дочка сразу же отвечала тревожным звонком. Голос ее был обеспокоен и растерян.

– Чем же я могу помочь, мам? – почти плакала она. – Нам тут тоже, знаешь ли, не сладко!

Надя перестала писать длинные письма – к чему тревожить дочь? И вправду, чем та ей может помочь на таком расстоянии?

Продала машину и гараж – за копейки, а все равно деньги. Все до копейки выслала Любаше. Та обрадовалась и сообщила, что они наконец поменяли машину.

– Может, продашь дачу? – спросила дочь. – Тебе, наверное, тяжело на нее без машины ездить?

Дачу продавать не хотелось. На дочку обиделась – так, слегка. На письмо это не ответила, и больше Люба эту тему не поднимала. Ума хватило.

Надя попыталась находить что-то приятное в своей свободе и одиночестве. Например, то, что можно наконец поваляться по утрам в постели – за всю свою жизнь. Не стоять у плиты, не бежать, как заполошенная, на рынок и в магазины – почти ежедневно. Свежий кефир, сегодняшней хлеб.

Кефир она не любила, а хлеб не ела. Можно прилечь и после обеда (чашка кофе и кусочек сыра. Счастье!). Потом, не вставая, щелкнуть пультиком и посмотреть ток-шоу. И никто не скажет: «Как ты можешь смотреть такую чушь!» Вечером можно сварить пельмени, и никто не осудит за то, что она польет их сметаной и присыплет черным перчиком.

Можно разбросать в комнате колготки и лифчики. Можно не закрыть тюбик с зубной пастой. Можно не пылесосить и не вытирать ежедневно пыль!

Можно, можно, можно... Сколько всего стало можно! Того, что всю жизнь было нельзя!

Может, это и есть свобода?

Только какой ценой...

За месяц своей свободы Надя наотдыхалась выше крыши – так, что стало тошно. Решила заняться Гришиным памятником. Съездила в гранитную мастерскую, договорилась.

Купила новые сапоги – необходимость, не прихоть. Схо-

дила в парикмахерскую, привела в порядок голову – краска, стрижка. Впервые сделала маникюр. Педикюр почему-то постеснялась.

Загорелась переклеить в квартире обои. Соседка Женя предложила своих маляров – недорого и прилично. Присмотрела на рынке люстру – старая совсем пришла в негодность. Безобразие, а не люстра. А муж менять не хотел. Он привыкал к старым вещам.

Он ничего не хотел менять. Ничего. Стыдно сказать – кухонной мебели двадцать с лишним лет, ремонт делали до Любашиного рождения. Людей в дом позвать было неловко. Впрочем, каких людей... Людей в их доме не бывало.

Да! Еще надо бы выкинуть хлам, которого накопилось за долгую жизнь столько...

«Наверное, так у всех», – подумала Надежда, забравшись на стремянку и распахнув дверцы антресолей. Божечки мои! Выцветший рулон обоев. Старые лыжные ботинки. Эмалированное ведро без ручки. Помятый алюминиевый таз. Любашин школьный портфель. Крышка от кастрюли. Пожелтевшая и свалявшаяся вата, которой они сто лет назад прокладывали рамы между стеклами. Две старые потертые сумки. Гришины пиджаки и ботинки. Дочкины санки. Кипа газет и перестроечных «Огоньков» – муж не разрешал их выбрасывать. Мешок со старой пряжей. Банка из-под краски и еще банки, банки, банки. Ящик с елочными игрушками.

«Нет, – решила Надя. – Так наверняка не у всех, а только

у таких нерадивых хозяек. И еще – у таких Плюшкиных, каким был мой муж. Стыдоба, да и только».

Хорошо, что на подмогу не позвала Женю – а ведь была такая мысль! Вот бы тогда точно стыда не обобралась!

Надо все достать, скинуть. И, ничего не разбирая и ни в чем не ковыряясь, все – на помойку! Вынести к ночи, чтобы никто не видел! Да! И завтра купить на рынке черные пластиковые мешки, чтобы все в них и все сразу!

Надя вздохнула и уже собралась сползать со стремянки, как вдруг увидела пластиковый пакет с яркой надписью «САМЕЛ» и верблюдом. Она потянула его к себе и сбросила на пол.

Кряхтя, осторожно спустилась с лестницы (кто за ней будет ухаживать, если, не дай бог, что), присела на коридорную банкеточку и взяла в руки пакет с жизнерадостным верблюдом.

Из пакета выпала связка писем, плотно и аккуратно сложенная и перевязанная бельевой веревкой. У нее почему-то сжалось сердце и тревожно заныло где-то внутри, на уровне грудины.

Конверты были старого, советского образца, тухлявые и пожелтевшие. Надя поднесла их к лицу и увидела знакомую фамилию. Ту, что не давала ей покоя и тревожила ее много лет. Ту, о которой она помнила всю жизнь. И, наверное, что-то чувствовала – дальним, точным и безупречным женским чутьем.

Получателем корреспонденции значился тот самый Минц.

То ли от нехорошего предчувствия, то ли от того, что она спустилась с лестницы, закружилась голова, и перед глазами поплыли бурые пятна.

Дрожащими руками Надя принялась сдирать аккуратно (чувствовалась рука мужа) завязанную на нелепый бантик веревку.

Веревка, как назло, зацепилась за углы конвертов и слегка их надорвала.

Надя бросила бечевку на пол и от нетерпения первый, верхний конверт разорвала. Буквы плясали и расплывались. Она встала и пошла за очками. Долго искала их на кухне и в комнате и все никак не могла найти. Наконец, чуть не заплакав, увидела их на обычном месте – на кухонном столе. И как она могла их не заметить? Нелепость какая-то! Усевшись теперь в кресле в комнате, она, пытаясь унять противную дрожь в руках и ногах, глубоко вздохнув, снова взяла в руки письмо.

Ну вот. Снова здорово. Просто смешно, как ты пытаешься оградить себя от неприятного. Твои действия подтверждают наши предыдущие разговоры – всю нашу жизнь.

Ты не хочешь ничего слушать и ничего знать – того, что может разволновать тебя или расстроить. Избегаешь то-

го, что всегда называла нежелательными эмоциями. Того, что может лишить тебя покоя или, что значительно хуже, – испортить тебе настроение.

В который раз – дурак! – я снова удивляюсь этому. И еще – снимаю шляпу перед твоим постоянством. Ничего – ничего! – не смогло переделать тебя! И за одно это ты достоин уважения (не ищи иронию в моих словах).

Не попрекаю – ни-ни! Восхищаюсь твоей непробиваемости.

Ладно, мои, как ты всегда говоришь, нравоучения наверняка опять мимо.

Итак, ты пишешь, что И. не желает с тобой иметь дел – никаких. Считаешь это для себя оскорбительным. Разумеется, с такой персоной, как ты, так обходиться не имеет право никто. Даже он.

Ну призадумайся – ты же человек неглупый и иногда вполне вменяемый.

И. не хочет иметь с тобой дела по весьма определенным причинам – он только что наладил свою жизнь. Расставание ваше было весьма непростым, если не сказать тяжелым. Тому, чем ты его попрекала, я, как человек опытный, не удивляюсь. А вот его растерянность вполне понимаю (помню себя в первые годы нашей жизни).

Ему бы успеть прийти в себя и не рухнуть в инфаркт, а тут снова ты. Денег у него, видимо, нет. Семья требует расходов, да и дела его, думаю, уже не так хороши. Не забы-

вай про его больного сына – тоже расходы, от которых он никогда не отказывался, как бы ты ни старалась контролировать и это.

Ты утверждаешь, что денег его тебе не надо, – позволяй не поверить. Но даже если это и так – не все люди считают, что после кровавого развода надо пытаться оставаться друзьями! Таких дураков, как я, не так много на свете, уж ты мне поверь!

Звонки его жене – вот уж полная глупость! Как ты не понимаешь, что такой ход разозлит его еще больше?

Опять буду давать совет – нудеть, как ты говоришь. Прекрати его домогаться! Я ведь знаю, что тебе надо: признание, что только с тобой он был счастлив. Что его новая жена скучна и обыденна (после тебя, разумеется!). Что он хочет вернуться. Хочет, но не может. Тебе нужны его слезы, раскаянье, признание его неправоты и ошибок. И еще признание в неземной любви. Причем его «валяние» у тебя в ногах нужно непременно неоднократно – минимумом ты не насытишься ни за что. Пусть походит полгода, а там уж пинком за дверь навсегда. Как было с М. – когда начались цветы, цветы, и проч., ночевки на коврике подле твоей входной двери, – тебе быстро наскучило, и ты вызывала милицию.

Или с Иловайским – он далеко не дурак, понял сразу – гарантия его спокойной жизни без тебя – ежемесячный конверт в почтовом ящике.

И еще – скука, скука, – собственно то, что всегда было самым страшным в твоей жизни. Любыми путями, любыми средствами – только не это!

Кстати, надо бы успокоить И. – как только появится новый претендент на твое сердце, ты от него отстанешь!

Ладно, читать морали тебе – нет занятия более глупого и расточительного.

Все-таки я большой дурак, ты права. Потому, что еще продолжаю нудеть и надеяться, что это письмо ты внимательно прочтешь.

Я не приеду, как ты просишь. Причин много, подробности тебе ни к чему. То, о чем ты просишь, тоже сейчас невозможно. Дочке нужно купить путевку в лагерь на море, желательно на два месяца, так что довольствуйся тем, что есть, – увы!

Умерить свой аппетит не советую – глупо и смешно. Всё. Будь здорова – хотя бы.

Г.

Надя перечитала письмо. В голове было пусто и гулко, как в пустом жестяном ведре. Руки безжизненно упали и повисли, как плети. Письмо, выпавшее из рук, валялось на полу.

Сколько она просидела так, не двигаясь, уставившись в одну точку, она не заметила. Потом словно очнулась. Побрела, шаркая тапками, как старуха, на кухню и выпила воды из-под крана – чего раньше никогда не делала.

Москвичи давно не пьют проточной воды. Потом она опустилась на табуретку и опять словно застыла. Точнее – окаменела. Дверь из кухни была раскрыта, и она увидела пакет с верблюдом на полу в коридоре.

Она встала, вышла в коридор, тяжело нагнулась и подхватила оставшуюся пачку писем.

– Что ж, продолжим! – сказала она почему-то вслух и усмехнулась.

Теперь она расположилась в кресле – уютно и удобно угнездилась, включила торшер, нацепила на нос очки и открыла второй конверт.

Эва, Господи! Ну, сколько можно так издеваться над собой! Вспомни, сколько хорошего было в жизни – в нашей и в твоей дальнейшей, без меня! Ты проживала ее, жизнь, так, как сама, собственно, и придумала! И у тебя это отлично получалось! Я не обвиняю тебя – ни в коем случае! Каждый волен распоряжаться своей судьбой, ради бога! Я пытаюсь убедить тебя только в одном – не надо так драматично переживать свой возраст. Ты – уверяю тебя – женщиной, а не старухой или теткой останешься всегда. Ну или тебя станут называть дамой. Не товарищем, не гражданкой, не мадам и уж точно – не бабушкой.

Все – увы – стареют, милая моя! Никому не подвластно остановить этот процесс. Главное, чтобы было здоровье и силы, а этого у тебя вполне. И желания! Вот здесь я тоже

не волнуюсь – желать чего-нибудь ты будешь всегда. Да и слава богу! Пока есть желания – жив человек.

Держись. Не страдай на пустом месте. Твои незначительные, возрастные хворобы (уж прости) – совсем не трагедия.

Пей таблетки от давления – по чуть-чуть, но каждый день. Я говорил с В.В. – ты его помнишь по Первой градской. Терапевт он приличный, и советы его игнорировать не стоит. Адельфан на ночь по полтаблетки. И корвалол – если начинается тревога. Всё! И успокойся! «Скорую» больше не вызывай – смешно! Побольше гуляй и поменьше смотри свой дурацкий телевизор.

Ну, по поводу курева – разговор бесполезный, и я его не начинаю. И по поводу твоих тортиков и шоколадок тоже молчу – заметь.

М.б., удастся приехать на майские. Постараюсь вырваться.

Держи хвост пистолетом!

Г.

P.S. Перевод vyšлю чуть позже, но чуть больше – это тебя утешит (будет премия) и купишь себе «те самые австрийские сапоги».

Она отложила письмо. Вспомнилась фраза соседа по даче Матвейча – «Хорошие дела!».

Хорошие дела, по-другому не скажешь.

Теперь все вставало на свои места – ну, или почти все. По крайней мере, ясно, что Э. Минц – бывшая дама его сердца. Или, скорее всего, та самая первая жена, о которой Надя знала совсем немного: «Да, был женат в глубокой и наивной молодости, брак не сложился, детей не было, и, собственно, все. О чем говорить?»

Это были его слова в тот день, когда он сделал Наде предложение *руки*.

Надя ничего тогда не спросила – все понятно, достался он ей не юным мальцом, а зрелым мужчиной. Первый свой брак не скрыл – в чем его она могла заподозрить? Про бывшую жену никакой информации не было – вполне понятно, он не из болтливых, она не из любопытных. Хотя – что скрывать – она женщина, и это ей было, конечно, интересно. Но не настолько, чтобы пытаться мужа или тем более Ленку-беленькую.

Пытаясь все это осознать и переварить (вот поди так сразу и попробуй!), она поняла, что было здесь болезненнее всего.

Не то, что обнаружилась ложь. Или правда? То, что он продолжал общаться с этой Минц. В конце концов, можно только уважать людей, сохранивших приличные отношения после развода. И не то, что он высылал той регулярно деньги, – семья от этого не страдала. И не то, что он не рассказал об этом жене, – тоже понятно: начнутся обиды, расспросы, попреки.

А то, что он *баловал* ее! И был в курсе ее желаний – новые австрийские сапоги.

Никогда! Никогда она, Надя, его жена и мать его единственного ребенка, не морочила ему голову подобной ерундой!

Сапоги покупала – кстати, те самые австрийские, замшевые, мечта всех советских женщин, у нее тоже были. Денег на все хватало – не в этом дело.

Впрочем, была она не из франтих и в желаниях своих оставалась довольно скромна. Но ей и в голову бы не пришло рассказывать ему какую-то чушь про устойчивый каблук, теплую подкладку и удобную молнию спереди.

Она хорошо запомнила, как однажды, на заре их брака, задумав сшить пальто, в польском журнале нашла понравившийся фасон и показала мужу. Он сморщился, как от зубной боли, и внятно объяснил, что в этих делах полный профан – ни в ткани, ни в модели ничего ровным счетом не понимает. И убедительно просит ее с подобными вопросами к нему не обращаться – есть мама, подруги, соседки и прочее, прочее.

Далее – его слова, – где лежат деньги, она тоже в курсе. Она хозяйка, и ей планировать семейный бюджет. Когда шить пальто, когда покупать холодильник и когда поменять обивку на диване. Это – ее дела.

– Все ясно? – поинтересовался Григорий Петрович.

Ясно. Всё. Надя кивнула и вышла из комнаты. Конечно, было обидно. И слезы душили.

Потом поговорила с мамой – та утешила:

– И слава богу, что в эти дела не лезет! А сколько мужиков

контролируют каждую копейку! За любую покупку вынимают душу! И бедные тетki изворачиваются, как могут. Выкраивают, врут, отрывают бирки, выбрасывают чеки и прячут новые вещи. Не лезет – скажи спасибо. Настоящий мужик, честь и хвала. И еще – радуйся, что не достался тебе сквалыга и зануда.

Ну, насчет зануды... Или назвать ее мужа можно было не совсем так?

Ладно, смирилась и с этим.

А советы, которые он давал той женщине? Что есть, как гулять и смотреть на окружающий мир. Он, ее скупой на слова, жесткий, совсем несентиментальный Гриша, утешал, подбадривал, поддерживал и давал сердечные советы.

Ему было *интересно*, чем живет та женщина и какое у нее настроение. А про медицину? Ну это вообще за пределами! Муж, с которым Надя прожила большую половину жизни, никогда – никогда! – не интересовался ее здоровьем! И если случались у нее болезни или недомогания, был очевидно недоволен и старался уйти от этих разговоров или вообще – чаще уходил из дома. Она понимала: больная, она его раздражает. Вот поэтому, как только поворачивался в замке ключ, она вскакивала с кровати, поправляла волосы, подкрашивала губы и тут же, нацепив на лицо жалкую улыбку, бросалась в коридор, чтобы его встретить. Как всегда – в настроении приятном и легком.

Однажды разыгрался такой радикулит, что соскочить с

кровати она, как ни старайся, не могла. Даже извинилась перед мужем за свое нелепое положение. Любашка тогда встала на хозяйство и под Надиным четким руководством сварила куриный суп и прокрутила котлеты. Все получилось, разумеется, – невелика наука. Но дочка отцу не «подала» – торопилась в кино. А жена лежала. Еще теплый суп он, слегка морщась, съел. А вот котлеты разогреть не стал – пожевал колбасы.

Ладно, не беда. Никто с голоду не помер. Ни слова недовольства он ей не сказал. Только открыл дверь в комнату и спросил:

– Ну, что говорят врачи?

Не «Как ты себя чувствуешь?», а «Что говорят врачи»? Понятно – его интересовало, когда она встанет и все окажется снова на своих местах. А радикулит был сильнейший, и невропатолог из поликлиники даже предложил больницу. Какое! Конечно, она отказалась! Вызвали какого-то частного врача, тот сделал блокаду, и она поднялась. А чего все это ей стоило, не знал никто – ни дочка, ни мама, ни уж тем более муж.

И гипертония у нее была! Только вот не позвонил Гриша таинственному В.В. – «приличному специалисту из Первой градской». Не позвонил. И консультации не попросил.

А позже, когда гипертония настигла и его самого, в лекарствах разобраться и не подумал – какие там адельфаны или корвалолы! И слов-то таких она от него не слышала. Таблет-

ки раскладывала по трем розеткам для варенья – утро, день, вечер. И рядом – стакан воды.

Далее. Премия. Никогда – надо быть честной – о деньгах она не думала: как бы сэкономить, допустим, на еде, чтобы собрать на море? Но разве не было бы ей приятно, принеси муж однажды эту самую премию, на которую она и не рассчитывала, и они бы решили сделать себе какой-нибудь подарок! Не из барахла тряпчного, нет! А, к примеру, внеплановую поездку – в Тбилиси или Ригу. Или хотя бы съездили в Святые горы, по Пушкинским местам, о чем Надя так давно мечтала. Или купили бы новую кухню. Или обшили дачный домик новомодной вагонкой.

Разве когда-нибудь и кому-нибудь были лишними деньги?

Да нет, не в деньгах дело. Совсем не в деньгах.

Дело в том, что Надина жизнь занимала его гораздо меньше, чем жизнь пресловутой Э. Минц.

И еще. Всю их семейную, супружескую жизнь он Надю обманывал. Лгал. Таился от нее.

Нет, скорее так – у него была еще и другая жизнь – тайная, скрытая от посторонних глаз. Полная событий, переживаний и сопереживаний – что больше всего.

Ну, что ж, продолжим. Теперь деваться некуда – надо пройти этот путь до конца. Сейчас – пройти. А дальше... Дальше попробовать во всем этом хотя бы разобраться. Некуда деваться, некуда.

Снова я. Пишу и вижу перед собой твое лицо. Так отчетливо, что даже не по себе. Точнее – гримасу на твоём лице. И опять недовольна. Опять недовольна?

Как щедро одарил тебя бог! Какую дал внешность! Сколько талантов! Как прекрасно ты рисовала! Как пела! Как танцевала! Какая грация была в каждом твоём движении! И всего женского тебе было отпущено столько, сколько хватило бы на сотню твоих соплеменниц.

И не дал самого главного – души. А вместе с нею – а это всегда вместе – сочувствия и сострадания.

Может, я зря укоряю тебя этим всю жизнь? Может, ты и вправду ни при чём? Так распорядилась природа. Разумеется, во всем должно быть равновесие – здесь много, а там – чуть-чуть. Или – совсем ничего.

И жалко тебя, жалко... Наверное, нужно все-таки жалеть тебя, а не себя, не И., не П., ни С.С. и не всех остальных, оставленных и покорёженных тобою на долгом жизненном пути.

Да и что мне до них? А за тебя по-прежнему болит сердце. Да как...

И чем мне тебе помочь? Правильно, ничем. Только тем, что придет к тебе на адрес раз в месяц по почте.

И самое главное – что больше тебе ничего и не надо! Вот в чем вся штука! И я это понимаю!

Теперь мне смешны твои волнения по поводу «спокойствия в моей семье». Я, разумеется, позаботился о своей

безопасности! Ключ от почтового ящика всегда у меня! Моя жена от природы нелюбопытна и тактична – никогда она не залезет в мои карманы и в ящик письменного стола. Тебя это удивляет? Как может женщина быть нелюбопытной! Нонсенс! А это так. К тому же она не читает газет, и почтовый ящик ей не интересен. Она в заботах: быт, дочка, работа. Ты права – здесь я исходил от «противного» – в ней должно быть то, чего в тебе не было. И наоборот. Это и есть работа над ошибками. И еще четкое понимание того, какая женщина мне нужна для жизни. Моя жена подходит по всем критериям, и в этом успех нашего брака. Она сдержанна, послушна, обучаема и... неприхотлива. Ей всего хватает. Она прилично ведет дом, она заботливая мать и верная(!) жена. У нас брак по договоренности, и это вполне нас устраивает.

Удовлетворю твое любопытство и желаю тебе поскорее найти применение твоим способностям. История про клуб знакомств мне понравилась. Думаю, что это твое: с людьми, свежая история, возможны интересные коллизии, встречи и т. д. Надеюсь, что это не наскучит тебе уже на периоде становления. С Наташей будь ласковой и терпимей! Такого верного человека найти непросто! Помни об этом! Не говоря уже о том, что вынести тебя, моя милая...

Тожже труд. Будь здорова.

Г.

Значит, вот так... Брак по договоренности... Вот, оказывается, как... Вот как называлась ее жизнь длиною в три десятилетия.

Очень мило! Неприхотлива, нелюбопытна, заботлива, сдержанна, послушна, обучаемая – все прежние ошибки учтены.

Браво! Браво, Григорий Петрович! Вы не из тех, кто наступают на те же грабли! Вы все учли – до мелочей. Создали себе, так сказать, условия для комфортного проживания. Аплодисменты – у вас получилось. Так выбирают лошадей и собак. Ну или прислугу – ненавязчива, нелюбопытна, услужлива. Прошла с успехом испытательный срок и – оставили. А если бы нет? За борт? За порог? Не справилась – извини?

Да нет! Она, разумеется, все понимала – не дура ведь! Не было никакой неземной любви с его стороны – ни разу и ни на минуту! Человек устраивал свою жизнь. Но чтобы так... Так расчетливо, так хладнокровно. Так жестоко!

Своя рубашка, понятно... Но так наплевать на чужую душу! Так обойтись с живым человеком...

Она, наивная, думала, что ей достался просто сдержанный, немногословный, неспособный на комплименты человек. Просто сухарь. Ан нет! Вон как ее муж расплывается по поводу красоты и талантов мадам Минц! Просто трели соловьиные! И на советы не скупится, нет!

Да все правильно! Все она понимала – что не горит он пылкой страстью, не кипит его сердце, не вспыхивает его

глаз. Даже тогда, в молодости, в самом начале их жизни, когда она была еще молода. И их супружеская, тайная жизнь была пресна, как просфора. И книги она о страсти читала, и подружек слышала.

Или не так? Он ведь ей не врал о сумасшедшей любви и неземной страсти. Свои пожелания и требования оговорил на берегу. Был честен, значит. В быту строг, но не придиричив. Денег на нее не жалел. Дочку любил. Она видела и моря, и за границу. Шила шубы, покупала французские духи, стриглась у хорошего парикмахера. Продранные колготки не заклеивала лаком для ногтей, а выбрасывала. Продукты покупала на рынке – творог, мясо. Он не оскорблял ее, не напивался. Не контролировал ее встреч с подругами – ради бога.

Значит, она счастливая женщина? Выходит, что так?

Нет. Не так. Потому что ей врили всю жизнь.

Или она сама виновата – не хотела смотреть правде в лицо, сама все выдумала. «Я сама тебя придумала! Стань таким, как я хочу», – пела Эдита Пьеха, самая сказочная певица тех лет.

А как бы она прожила всю свою жизнь, не придумав всего этого?

Она бы просто свихнулась.

Всё, всё! Хватит! На сегодня точно. Или – вообще хватит? Выбросить все это к чертям! Сжечь и убедить себя, что все это ей приснилось? Жизнь прожита. Муж умер. Возможно,

мадам Минц тоже. Да это и неважно. Не было ее в Надиной жизни и нет сейчас.

К кому претензии? К покойнику? Что ж ты, Гриша, так оплошал? Всю жизнь сплошная конспирация, а про антресоли забыл! Или просто не до антресолей было в последнее время? Или, скорее всего, так – наплевать тебе, Гриша, было на меня! Как всегда, наплевать – и все. Найду, прочту – пошлешь подальше. Как всегда – не твое дело, не лезь, закрой дверь. Не обсуждается – и все. А если найду после тебя – так уж тем более наплевать!

Что я там подумаю, что почувствую, как буду жить с этим дальше...

Надя резко встала, швырнула письмо на пол и пошла на кухню. Взглянула на часы – три дня. Машинально достала из холодильника кастрюлю с супом – пора обедать. Дрожащими руками налила суп в тарелку и порезала хлеб.

Жизнь продолжается. У нее – точно. А что, собственно, случилось?

Она съела две ложки супа, совершенно не почувствовав вкуса, бросила ложку на стол и наконец расплакалась – так горько и так громко, как, казалось, не плакала никогда, даже в далеком детстве. Правильно – сдержанная, спокойная, уравновешенная, терпеливая. За что и ценили. За что, собственно, и «взяли». Вот так.

Да нет, не так. Слез было столько... Целая река. Вся ее

сдержанность, спокойствие, уравновешенность и терпение схлынули и унеслись в этом бурном потоке бесконечных слез. И в этом потоке закрутились ее обиды, горечь, боль и его отчужденность, равнодушие, ложь. Его предательство.

– Старая дура! – всхлипывала она, пытаясь унять свою истерику. – Жалкая, старая дура! Все в прошлом. Все. И никогда ты не проживешь другую жизнь. Никогда. Жизнь, где ты будешь любимой и единственной.

Надя открыла холодильник и достала початую бутылку водки. Она налила граненый стакан – почти доверху – и решительно поднесла ко рту. Поморщившись от едкого запаха, она зажмурилась и крупными глотками начала пить. Это было сущим испытанием – алкоголь она почти не выносила, пьянела от тридцати капель сердечной настойки, двух глотков шампанского, конфет с ликером. Муж говорил, что у нее, как у северных народов, отсутствует какой-то фермент, перерабатывающий алкоголь.

Силы духа хватило на полстакана. Она дошла до дивана и улеглась, накрывшись пледом.

Спать, спать. Спать. А дальше – посмотрим, как оно будет.

Проснувшись она в восемь вечера – за окном уже было темно. Пошатываясь, пошла на кухню – очень хотелось пить.

«Вот, – сказала себе Надя. – Напилась. В первый раз в жизни. В почтенном, надо сказать, возрасте. Хорошие дела».

Она долго пила воду, стоя у окна и вглядываясь в темную улицу. По улице мчались машины, и по тротуару торопливо шли пешеходы. «Домой, – подумала она. – Кончился рабочий день. Все торопятся домой. В уют, тепло, к родным людям. Согреют ужин и усядутся за столом. Будут обсуждать прошедший день, обмениваться впечатлениями, решать семейные проблемы и размышлять про день грядущий. Все, кроме меня. Мне не с кем обсудить прожитый день, пожалуй, самый тяжелый день в жизни. Не для кого греть ужин. Некого жалеть и не на кого раздражаться. Не с кем и незачем. Завтра будет все то же самое. Та же самая бесполезность жизни. Когда жить не для кого и незачем. Потому что одиночество. Вот почему.

Дудки! Не дождетесь! Ничто нас в жизни не сможет вышибить из седла! И тут в голову пришло неожиданное: «Надо взять собаку».

Когда совсем пусто, надо взять кошку или собаку. Лучше собаку – с ней придется гулять, и тогда в жизни появляется забота, а с ней и смысл. Сварить, выгулять, собрать шерсть, расчесать. Собака будет ждать хозяйку у двери и радоваться так, как не радовался никто и никогда.

Решено. Завтра она поедет на Птичий рынок и выберет собаку. Среднего размера – не моську карманную, не игрушку, нет – компаньона, как сейчас говорят. И не очень лохматую. Лучше гладкошерстную, да. С ними поменьше хлопот. И еще обязательно девочку. С девочкой как-то понятней.

Надя поддела тапкой пакет с верблюдом. Подняла с пола прочитанные письма и сунула их туда же. Может, выбросить? Сразу в мусоропровод, и дело с концом? Как ничего и не было. Типа «показалось». Призраки прошлого. А призраки тем и хороши: были – и нет. Одним, что называется, движением руки.

Надежда на минуту задумалась, взяла в руки пакет и открыла входную дверь. Между этажами сверкал начищенной дверцей мусоропровод. Дворничиха – таджичка Майсара очень хотела угодить обитателям столичного подъезда.

Надя сделала шаг вперед и остановилась, потом шагнула назад, в квартиру, захлопнула дверь. Решительно влезла на стремянку и засунула в открытую дверцу антресоли «верблюжий» пакет. Плотно прикрыла дверцу, собрала стремянку, вынесла ее на балкон и только тогда успокоилась.

– С глаз долой, из сердца вон, – сказала она вслух и провела ладонью о ладонь, словно хотела очистить руки.

Потом ей захотелось есть, она сварила две сардельки и открыла баночку зеленого горошка, намазала черный хлеб маслом, включила телевизор и с удовольствием поела.

Вымыв посуду, закрыла кран и произнесла вслух:

– Вот так-то.

Сама не очень понимая, что это означает.

Потом она взяла любимого Чехова и до полуночи читала, пытаясь отогнать всякие мысли прочь.

Через два часа очень устали глаза и захотелось спать. Она

широко зевнула, отложила книжку и выключила свет. «Вот прямо сейчас и усну, – уговаривала она себя, – вот прямо сейчас».

Наивности ее не было предела – уснуть не удалось ни прямо сейчас, ни потом.

Итак, что произошло в ее жизни? Что случилось такого, от чего можно свихнуться? А ничего! Не любил ее муж – что за дело? Сколько людей живут в браке без всякой там любви! Миллионы. Разве она не понимала, что жену Григорий Петрович себе *подбирал!*

А то, что выбрал ее, – так это просто ее удача. С таким же успехом ему могла встретиться другая женщина. Тоже разумная, спокойная, тактичная и готовая принять все его условия. Григорий Петрович не искал жену среди юных красавиц – вполне разумно. Юные красавицы хотят любви, страсти и поклонения. Они хотят, чтобы служили им. Он искал спутницу жизни среди «просроченных» неудачниц, которым все – за счастье. Найти такую несложно – вокруг полным-полно неустроенных теток, готовых на все.

В обмен предлагалось – непьющий и порядочный муж, прекрасная зарплата, квартира в хорошем районе, машина, дача. Неплохой отец – не из тех, кто трясется над своим дитячком, не из тех, кто обмирает от счастья, а разумный, терпеливый, внимательный и нежадный.

И тысячи женщин, имеющих глупых, капризных, придиричивых, неверных, скупых и пьющих мужей, покрутили бы

пальцем у виска и сказали бы – дура! Нам бы твою жизнь! Или тебе нашу, всего на неделю! Вот тогда бы поняла, где раки зимуют!

И нечего притворяться и лгать себе – понимала ведь его «разумный подход»! И свой, кстати, тоже. И кого винить? Вيني себя! Ждала бы дальше неземной любви! Сидела бы тихонько и ждала! А ведь нет, все просчитала: и что не дождется той, «неземной». И что хорош собою. И что квартира, и зарплата. Так что их брак был взаимной сделкой, устраивающей обоих.

А то, что она мужа полюбила, так и слава богу, значит, везение.

А вот ему не повезло. Так кто несчастный? Правильно, он. Вот его и пожалеем. Ха-ха.

А что лгал... Так это вообще смешно! Лучше, если бы он докладывался? Так, мол, и так. Женился по расчету, тебя не люблю, а бывшую свою, ту, которая Минц, продолжаю «аба-жать» – уж прости! Несчастливая она, понимаешь? Красивая такая, таланты сплошные, вот с душой, правда, не сложилось – ну, так это не ее вина. Пожалеть только можно бедную. Может, вместе и пожалеем? Ты у меня женщина с понятием, добрая и жалостливая. Денег на добрые дела тебе никогда не жалко – как ближнему не помочь? Вот сапогам порадуетя австрийским – как у тебя, замшевым. Может, позволишь своей спекулянтке Зойке? Ты еще говорила что-то про

пальто дутое, финское? То, что почти невесомое? Может, а, Надюш?

Впрочем, нет, никаких «Надюш» не было и в помине. Никогда. «Надя», «Надежда», «Надежда Алексеевна» – с иронией. Ни одного ласкового, «дурацкого» слова, которые так обожают влюбленные. Никаких «рыбок», «заек», «малюток» и прочей ерунды. Никаких и никогда. Даже в самые жаркие моменты их жизни. Никогда – «Как это платье тебя украшает! Как эта помада тебя освежает! Как молодит тебя загар! Чудесная стрижка, симпатичные сережки, шикарные очки». «Надя! Подай!» – вот что она слышала. «Принеси! Отвари, завари, порежь. Погладь, почисти, отмой. Застели, протри, переставь, положи. Открой, затвори, унеси». Правда, «пожалуйста» добавлял всегда.

Уносила, заваривала, отпаривала и застилала. Получала всегда ровное «спасибо».

Не окрик, не зуботычину – не приведи бог! – «спасибо».

Вот и вам спасибо. За любовь и ласку. Которой, оказывается, никогда в ее жизни не было. Ни разу.

Нет! Нельзя, чтобы жизнь ее девальвировалась из-за этих дурацких «верблюжьих» посланий! Нельзя! Ее жизнь была...

Ее жизнь *была*. Точка.

И там, в ее жизни, был муж – приличный человек. Приличный и уважаемый. У них была – и есть, слава богу! – замечательная дочь. А еще квартира, дача. Семейные тихие

ужины. Шашлыки на даче, пионы у крыльца. Пирог с яблоками из своего сада. Отпуск на теплом море. Прогулки по набережной, пахнущей кофе из армянской кафешки, плеснувшим кудрявой пеной на камни жаровни.

Просторный номер, в котором колыхались от соленого ветра тонкие занавески по ночам.

И узкие булыжные улочки Риги, на которых у Нади обязательно подворачивались ноги – старая детская травма, подвывих лодыжки. И вечером, в номере гостиницы, он растирал ей голеностоп мазью «Бом Бенге», которая отчаянно и просто невыносимо воняла всю неделю, и спали они с открытым окном – зимой. И было так холодно, что он крепко обнимал ее, пытаясь согреть. Было хорошее, было.

А рождение дочки? Она вспомнила свои тяжелые, затяжные, «неправильные», по словам акушерки, роды и его скупые записки – всего три. Она их помнила наизусть всю жизнь – как выучила, зачитала до дыр в родильной палате...

Поздравляю – тебя и себя. Здорово. Пусть будет здоровой. Молодчина.

Это первая. Вторая:

Яблоки зеленые только на рынке. Куплю завтра, привезу к вечеру. Что еще? Соки нельзя – внизу памятка. Пей чай. Кроватку купил, коляску успеем. По поводу имени – твое право, рожала ты. Я не против. Прислушивайся к докторам. До завтра.

И третья, последняя:

Грудь болит у всех – так говорят. А кормить надо. Терпи, казак! Пеленки достала теща, она же шьет и подгузники. Дома разберешься со всем сама. Будь здорова! До встречи! Ждем вас.

Григорий

Всё. Если начать анализировать... Ни одного нежного слова... Ни «любимая», ни «милая», ни «родная». Ни «целую тебя», ни «скучаю». Про дочку ни одного вопроса – на кого похожа, покажи в окно, какая она? Как будто пишет не родной папаша, а дальний ответственный родственник.

А тогда Надя об этом не задумывалась – столько счастья! Родилась здоровая и красивая девочка! И так мучили боли, грудь разрывалась, она никак не могла «раздоиться».

Записки как записки – вполне в духе ее сдержанного муженька.

Только вот соседка по палате, кудрявая Галка, рыдала день напролет, перечитывая записки от мужа Кольки.

Галка и Колька были приезжие, деревенские. Горя хлеба-ли – говорила Галка. По общагам намаялись – комнатка без окна в четыре метра, кроватку детскую приткнуть некуда. Ни холодильника, ни плитки. Продукты в авоське за окном в коридоре, керогаз там же. Денег на «приданое» нет ну просто совсем. Колька разбил свой «КамАЗ» и выплачивает автобазе. Распашонки Галка сшила сама – рассчитывать не на кого. Родители в деревне, своих забот...

А вот приходил Колька в роддом каждый день да по два

раза. Галка хватала туго запеленутую дочку Машку и бежала к окну. Колька писал на асфальте всякие «ура» и «люблю». Орал так, что выходили медсестры и грозились вызвать милицию. И записки писал – не записки, а письма:

Голубка моя милая! Светик мой ясный! Любонька моя маленькая! Была у меня одна любимая девочка, а стало две!

И все в таком духе. Галка читает и от счастья слезами захлебывается. Говорит, что соскучилась так, что сердце ноет. Скорее бы обняться и поцеловаться, скорее! «А то помираю прям», на полном серьезе говорила она и опять рыдала.

Третья соседка, учительница Нина, говорила, что Галка ненормальная и что про «обняться и поцеловаться» надо забыть. Нельзя. Пару месяцев точно.

Галка смотрела на «ученую» Нинку расширенными от ужаса глазами:

– Да ты что, Нин! Что ты такое говоришь! Разве ж так можно – три месяца! Так мы же с Колькой свихнемся!

Нина вздыхала и крутила пальцем у виска.

– Что с тобой, душой, говорить. Невежда – одно слово. Ну, «обжимайся», – передразнивала она наивную Галку. – А потом умрешь от за-ра-же-ния!

– От какого заражения? – еще больше пугалась та. А потом отвечала: – От любви еще никто не умирал! – и отворачивалась обиженно к стенке.

– Говорю – невежда! – усмехалась Нина. – «Не умирал»! А Ромео и Джульетта? Не умерли от твоей любви? – быстро

припоминала образованная Нина.

– Так это когда было! – радовалась Галка и поворачивалась к соседкам.

Долго обижаться она не могла – скучно.

Надя тогда тоже смеялась над наивной и влюбленной Галкой. Правда, кольнуло однажды, кольнуло, когда вслух и важно Галка зачитывала наивные и смешные стихи, присланные влюбленным Колькой.

Господи! Чему завидовать! Дурь какая-то! Муж Гриша приносил отборные яблоки с рынка, а Колька обрывал городские сады – побитую пылью мелочь.

Муж Гриша достал импортную кровать, а Колька сколотил люльку из ящика.

Надю ждали отдельная квартира, газовая плита и финский холодильник.

Наде не надо было думать, во что одеть дочь и чем ее накормить.

И она, Надя, завидует Галке? Ну уж нет! Смешно просто! А Колька этот – дурак и болван, правильно говорит Нина. Лучше бы деньги заработал и коляску купил, чем под окнами орать и стишки пописывать.

Кстати, муж этой Нины, главный инженер по холодильным установкам, в роддоме не появлялся – некогда. Приходила свекровь – важная, в кримпленовом ярком костюме и с залаченной укладкой. Передавала фрукты, рыночный творог и писала на трех страницах советы, что есть, что пить и «как

ходить по нужде» – это уже придумала смешливая Галка.

Нина про свою жизнь много не рассказывала – говорила, что живут «достойно».

– А это как? – искренне не понимала Галка.

Нина злилась и грубила:

– Не так, как ты со своим Колькой.

И Галка опять отворачивалась обиженно к стенке. И снова – на пять минут.

Из роддома Надю встречали мама и подружки – Гриша уехал в командировку. А может, не было никакой командировки? Может, уехал он тогда к этой самой Минц? Господи, кошмар какой-то! Какие мысли лезут в голову!

Она стала припоминать его приезд. Вернулся через два дня, замученный, небритый и какой-то... Виноватый, что ли? Привез букет тюльпанов и коробку шоколадных конфет. Она тогда еще смеялась, что шоколад ей нельзя. А конфеты были вкусные, с миндальными орешками и розовой помадкой. И ела она их потихоньку, не могла удержаться – такая сластена. Ела и боялась, что у дочки появится диатез.

Дура! Ну какая же она дура! Идиотка подозрительная, ма-разматичка!

Он ездил во Львов! И конфеты были львовские! Знаменитые львовские конфеты! Какая Минц, господи!

Слава богу, уф! Можно выдохнуть! Спасибо конфетам и хорошей, оказывается, памяти! А то... Совсем можно чок-

нуться от всего этого!

Надя в волнении выпила валокордин и померила давление. Ого! Вот до чего довели дурацкие размышления! Пей таблетки от гипертонии и спи спокойно, дорогой товарищ!

Муж твой хоть и враль, но не подонок. Вот так! Успокоились и спатеньки, бай-бай! Отдыхайте, Надежда Алексеевна! Завтра новый день и новая «писча» для размышлений и ваших скорбей!

Выбросить! Выбросить, выбросить. К чертовой матери! Отнести на улицу, бросить в мусорный контейнер.

Или сжечь. Сжечь и забыть.

Забыть? А как это можно – забыть? Забыть, что у твоего мужа, единственного мужчины в твоей жизни, отца твоей дочери, была всю жизнь двойная жизнь?

Вот интересно, кто бы из женщин мог такое запросто выкинуть из головы?

Но кому предъявлять претензии? Пойти на могилу и укорить – как же ты, Гриша, мог?

Надя опять достала пакет с верблюдом. Любопытство сгубило не только кошку, но и множество женщин, живущих на этой планете.

Твои стенания по поводу «нерожденных детей». Вот уж правда смешно. Ну, просто вечер юмора! Вспоминай – ты ведь ни разу! – ни разу не задумывалась о том, чтобы со-

хранить беременность.

Как только возникала эта «неудобная» проблема, тебя беспокоило только одно – скорее бы ее решить. Потому что неудобно. Курить противно, есть не хочется, тошнит и хочется спать. И самое главное – нет настроения! Это тебя убивало больше всего.

Вспомни, как уговаривал тебя Б. оставить ребенка! Как умолял и ползал на коленях! А ты и тогда не задумалась. Или задумалась? Вряд ли. Помню, как ты возмущалась – девять месяцев лишений! Лишений! Растяжки, одышка, потеря волос, зубов и испорченная кожа. А потом и вовсе ад – бессонные ночи, мокрые пеленки, болезни и «прочая гадость» – это твои слова.

Согласен, есть женщины, неспособные к деторождению. И не их вина. Но! При этом надо понимать, что твой добровольный отказ от тягот материнства подразумевает как минимум одинокую старость. Впрочем, думаю, тебе это не грозит – даже в весьма преклонном возрасте у такой женщины, как ты, всегда найдется поклонник и даже обожатель, готовый на все – ухаживать, ублажать, преклоняться. Да и ты пишешь про этого мальчика, твоего соседа.

Не ломай ему жизнь, не ломай. Хотя к твоим грехам еще и этот... Не так уж и страшно. При подсчете все равно все сойдется. Даже там, наверху!

И еще – слава богу, что «твой мальчик» не родился! Был бы еще один несчастный ребенок! Еще один исковерканный

мужик.

В этом тебе равных нет. Пей витамины, побольше гуляй, поменьше кури и береги Наташу. Уйдет она – пропадеешь. Деньги вышлю на неделю позже – уезжаем с семьей в отпуск.

Г.

Да он презирает ее, это же очевидно! И еще – по-прежнему восхищается. Разве так бывает? Разве можно презирать человека и любить его? Вот именно – любить! Ведь будь эта женщина ему безразлична, разве бы он держал с ней связь столько лет? Дело ведь совсем не в деньгах – можно отсылать деньги и не писать подробных писем. Помощь – да. Это понять можно. Любил женщину, разошлись. Она одинока, он может ей помочь и помогает, как родственнице.

А писать письма – это вкладывать душу. Предательство не в почтовых переводах – предательство в этих письмах.

А может, не так? Может, любил когда-то, а потом всю жизнь поддерживал, помогал, как мог. Не бросил, не оставил. Значит, приличный человек.

Милая Эва! Поздравляю тебя с днем рождения! Желаю тебе здоровья и хорошего настроения! Временное одиночество советую тебе воспринимать как благо. Передохни после бурных отношений с В., приди в себя! Отоспись, отваяйся. Почитай! Книжки, которые я тебе выслал в сентябре, – чудо! Особенно Трифонов. Все про нашу грешную жизнь. И про нас, грешных. Хорош Ирвинг Шоу в последней

«Иностранке». Там же Моруа – любопытно о любви. Перечитай Веру Панову – так просто и так емко, без выкрутасов и очень человечно. А стихи Юны Мориц и Коржавина! И Давид Самойлов – прекрасен, как всегда! Жду твоих впечатлений! И твоего мнения! Уверен, что ты со мной согласишься и тоже получишь огромное удовольствие!

Да! Обязательно посмотри «Зеркало». Там сложновато для многих – но не для тебя. Ты поймешь сразу, уверен. И много, кстати, аналогий – арест твоего отца и отъезд матери в Калугу, к Люше. Ты говорила, что помнила ее страхи. Смотреть тяжело, но надо, поверь.

И еще – был на Таганке, смотрел Гамлета... Хороши все без преувеличения. Особенно Высоцкий и Демидова. Ах, как жаль, что ты этого лишена! Получал удовольствие за нас обоих.

Ссора с Наташей – увы! – предсказуема. Я этого разрыва ждал давно. Терпение у нее нечеловеческое, правда. Столько лет выносить твои капризы и выслушивать претензии! Ей давно полагается орден – не медаль. Что эс, твое право. Может быть, наконец поймешь и осознаешь, как она облегчала твою жизнь, и призовешь ее к себе обратно. Хотя, думаю, даже при ее одиночестве и нищете она не вернется. Слишком много обид. Да и человек она гордый – из тех, кто терпит долго, а уж если рвет, то навсегда.

Найти домработницу ты сможешь, а вот компаньонку – вряд ли. Интеллигентную, образованную женщину, к тому

же хорошую повариху, сомневаюсь. Так что пей чай с конфетами и зарастай пылью. Если не хватит мужества повиниться перед Наташей. Я отказываюсь выступать в роли примирителя – неудобно давать ей обещания, что ты исправиться. Да она и не поверит. Деньги на Ленинград дам, вышлю через неделю или две. Думаю, что Машиа будет тебе рада. Да и ты отвлечешься от грустных мыслей, все-таки Питер – твоя родина. И наша немножко тоже. Там было много хорошего, помнишь?

Да! Б. звонил. Он в паршивом настроении, болеет сестра, что-то серьезное. А они, как ты знаешь, очень духовно связаны. Это и послужило причиной ненависти твоей к ней – я понимаю. Она имела на брата большое влияние и, в сущности, во всем была права – это я про тебя.

Да! Еще не понимаю, зачем в Питере гостиница? У Машии прекрасная квартира! Разве вы не разместитесь? Брось свои глупости! И барские замашки тоже оставь!

Г.

P.S. Рокфор, кофе (арабика) и ветчину вышлю с проводником в пятницу. А кто встретит? Уже не Наташа. Кто? Или не высылать? Напоминаю – поезд приходит в три ночи. Ну и как?

Итак, мадам Минц – сумасбродка, самодурка, ленивица, эгоистка, не ценящая верных людей. Дрянь, одним словом. Но он присылал ей книги и журналы! Считался с ее мне-

нием, и еще как! Они размышляли, разговаривали о прочитанном, делились впечатлениями.

С ней, Надей, Григорий Петрович не разговаривал на подобные темы никогда. Никогда его не интересовало ее мнение! Ни разу он не спросил, видя, что она читает журнал или книгу, – тебе понравилось? Как впечатления? Никогда они не обсуждали просмотренное кино или спектакль. Никогда. Иногда он спрашивал:

– Понравилось?

Она хотела поговорить, обсудить, а он прерывал:

– Я понял. Ну и слава богу. Не зря потрачены деньги.

Все. А тут... *Ее* мнение ему важно, интересно и ценно. А про Таганку – был, смотрел. Да вместе они были на том спектакле! Вместе! Сидели рядом, пили кофе в буфете и потом ехали домой. И на Тарковского тоже ходили вдвоем. И тоже не обсуждали. Ей тогда показалось, что обсуждать это слишком тяжело: и она, и он из пострадавших – у него мать и отец, у нее дед.

Да и что там было обсуждать? Только режиссерский гений. А с ним и так все понятно. А остальное – боль, боль и боль. За близких и за свою страну – больше ничего.

А про Ленинград? Спонсировал – как говорят нынче. Не скупился. Понимал, что дрянь, эгоистка, а ведь не отказывал! А рокфор этот и ветчина! Это ведь надо – поехать на вокзал, передать и заплатить проводнику!

Надя вспомнила, как однажды ее подруга, уехавшая в Аб-

хазию к мужу, прислала с поездом ящик мандаринов. Она робко попросила мужа встретить поезд – аргумент весомый: витамины для дочки. Он посмотрел на нее так... После работы? Да ты о чем? На другой конец города! А мандарины на рынке – те же самые, из Абхазии. Или у тебя нет денег?

Деньги были, и мандарины на рынке тоже. А посылку все равно было жаль – и она поехала встречать поезд. Деревянный ящик был неподъемным, пришлось взять и носильщика, и такси. В общем, денег куча – почти столько, сколько обошлось бы на рынке. Значит, он прав? Мандарины эти дурацкие раздала подругам и соседкам, остальные рассовала по углам. Про некоторые заначки забыла, и весной, когда делала генеральную уборку в квартире, нашла даже не стухшие, а засохшие, как камень, мандарины.

Рокфор достать было почти невозможно – ветчину еще давали в заказах. Школьный друг ее мужа был директором гастронома на Соколе. Сколько раз Надя умоляла к нему обратиться! Тем более что этот Семен был человеком контактным и сам предлагал им свои услуги: «Гришка! Тебе одному от меня ничего не надо! Чудак ты, ей-богу!»

Ничего не стоило обратиться к Семену, ничего. Она просила – хотя бы на праздники! Новый год и Любашин день рождения. Нет, нет и нет. «Кланяться» не желал. Ради них не желал, а ради мадам – пожалуйста! И ветчина, и кофе – вкушайте с удовольствием! Надя помнила, было время, когда кофе исчез вообще – никакого, ни растворимого, ни в

зернах. Она, тогда еще гипотоник, без кофе загибалась, даже пила желудевый напиток «Летний», кошмарного вкуса и запаха. Григорий Петрович все это видел – ее головные боли, вялость и слабость, знал, как кофе она любит и как он ей необходим. И... Ни к Семену, ни вообще... А тут...

Вспомнив все это, Надя горько расплакалась. Как обидно, господи! Ну как же обидно! Ладно, не держал за женщину. Не держал за друга, за соратника тоже. Но и за человека не держал? Вот просто за человека! Сволочь. Подонок. Мерзавец. Ненавижу. Жизнь мою коту под хвост. Не прощу никогда! И на кладбище больше ни разу! Вот ни ногой! Знала бы раньше – сгнил бы в больнице. Или у своей мадам. Если она еще жива. Хотя что с ней станется? Такие живут долго. Непробиваемые. Будьте вы прокляты – он и она.

Господи! Кого она прокликает? Покойника?

Совсем спятила.

Дочь позвонила к вечеру – Надя даже забыла, что по вторникам у них сеанс связи. Услышав голос матери, Любаша осторожно спросила:

– Что-то случилось?

– Ничего. Просто болит голова. Осень, атмосферное давление. Возраст.

Дочь в подробности вдаваться не захотела. Спросила из вежливости и тут же успокоилась. «Как отец – в точности!» – подумала Надя. Спрашивал для проформы, подробности его

не интересовали. А уж если кто-нибудь по неосторожности пытался развить тему, сухо прерывал:

– Проблемы у всех, хватает своих, сочувствую. А вот грузить меня не надо.

Грузить его имел право один человек на свете – Э. Минц.

Люба рассказывала про тяготы жизни: денег не хватает, машинная страховка дорогая, продукты дорожают день ото дня, от нервов здоровье расстраивается, да и ссоры постоянные с мужем, что вполне понятно, когда постоянно не хватает денег.

Надежда пыталась, как всегда, дочь успокоить:

– Молодые, силы пока есть, заработаете, все устаканится.

Дочка тут же взрывалась:

– Тебе ли говорить! Прожила за отцовской спиной, как у Христа за пазухой. Ни про деньги, ни про жилье никогда не думала, голову не ломала. Он все решал, все проблемы. Работала вполноги, за продуктами на рынок, очередей сумасшедших не знала. Всю жизнь как птичка божья.

Надя обычно дочь усмиряла и утешала:

– Вот что у тебя плохого? Не гневи бога! Живешь в теплой стране, у моря. Ешь свежие фрукты и рыбу, про тряпки не думаешь, с мужем любовь – не пьет, не гуляет.

Так было обычно. Но сейчас от обиды и упреков Надя не выдержала, взорвалась:

– Да хватит ныть! Надоело! Ты будто звонишь не из Европы, а из глухой российской глубинки, из села затерянного.

Не нравится – возвращайся! Впрочем, тебе везде будет плохо, потому что характер паршивый – ни в чем положительного не видишь. И еще меня попрекаешь – жизнь я прожила сказочную, забот не знала. Да что ты знаешь про мою жизнь, чтобы судить? – От возмущения голос ее крепчал. – Ни слова поддержки от тебя, одно нытье. А я тут, между прочим, одна! Ни родни, никого. Подружки сами еле ползают – все давно не молодухи. Хлеба принести некому, если свалюсь. И это я должна тебя поддерживать и слушать про плохое здоровье? Это я что-нибудь у тебя прошу? Нет, дорогая! Это для вас я продала гараж и машину. А могла бы, между прочим, жить на эти деньги припеваючи и по курортам ездить!

Люба молчала, ни слова, словно потеряла дар речи. Такой она не слышала свою мать никогда.

– Ну, ты, мам, даешь! – только вымолвила она. – Такой наезд! Ты чего как с цепи? Заболела, что ли?

– Здорова, – бросила Надя. – Здорова как корова! Да и кого это волнует! Просто надоело все. Хуже горькой редьки. И твое нытье в том числе!

– А кому мне пожаловаться? – совсем растерялась дочь. – Кому, кроме тебя?

– А никому, – жестко отрезала мать. – Я же у тебя не спрашиваю, кому мне пожаловаться и предъявить претензии! Сама справляюсь! – И Надя решительно положила трубку. Ничего, пусть задумается. Может, дойдет до жирафа. Вспомнит, сколько матери лет и что она одна на всем белом свете.

Конечно, потом разревелась! Плакала долго и горько. Вся жизнь – коту под хвост. Жила с подонком и вралем, дочь вырастила черствую эгоистку. Внуков нет. И одна она на всем белом свете! Никому не нужная, никем не любимая немолодая и нездоровая, одинокая женщина. Вот итог ее «благополучной и сытой» жизни.

Весело. Обхохочешься прям.

Так, что застрелиться охота. Только одна проблема – нечем.

«А может быть, я мазохистка? – подумала она. – Вот травлю себе душу, мучаюсь. А зачем, спрашивается? Надо было сразу этого «верблюда» в помойку, и тогда бы ничего не было. Ничего. Доживала бы свою жизнь спокойно, думая о том, что она удалась».

И с дочкой поругалась – совсем спятила. Она-то тут при чем? Ей ведь тоже несладко. Дитя ведь родное, не самое плохое. А она мать! Значит, должна терпеть и поддерживать. Молчать. И еще – жалеть. Такая материнская доля. Терпеть, молчать и жалеть.

Отмолчалась, оттерпелась и отжалелась. Хорош! А не пошли бы вы все!

Бунт на корабле, где она одна – и капитан, и боцман, и команда.

Узнала полправды, узнаю и все остальное. Надя решительно достала следующее письмо.

Эва! Твоя хандра – дело обычное. Осень! Все пройдет, ты же сама знаешь. Поездка тебя расстроила – тоже понятно. У Маши семья, дети, внуки, хлопоты. Жизнь беспокойная, но насыщенная, как ты говоришь, «со смыслом». Правильно, все так. Но ты – не Маша! И такая жизнь – не твоя и не для тебя. И представить это невозможно – закатывание банок с огурцами, кастрюли борщей, вязание свитеров, выезд с внуками на дачу. Вся эта суета не для тебя. Люди разные, твои слова. Маша – квочка, наседка, нянька по своей сути. Для нее суть жизни в заботе о близких. Твоя же суть – посвятить всю жизнь своей личной жизни. Ты такая Лилля Брик местного масштаба, дама для украшения жизни. Впрочем, кому ты и что украсила – большой вопрос.

Завидовать Маше – просто смешно! Ты бы не выдержала и часа ее жизни, уверен. Каждый рожден для своей судьбы и миссии. Успокойся! И займись наконец делом. Вернись к мольберту – ты же так хорошо начала! И у тебя все получалось! Или продолжи свои записки – там так все остроумно, изящно и увлекательно! Честное слово! И этот талант в тебе есть! Может быть, купить к зиме лыжи? Когда-то ты любила зимний лес. В конце концов, по телевизору идет много неплохих передач. Спектакли из архивов, концерты классической музыки. Это ведь все твое! Ну или видео – не зря же я тащил тебе этот магнитофон! Что-нибудь из старых французов или поляков. Американцы, конечно, – полная туфта и бред. А в видеосалонах в основном они,

любезные. Посмотрю, что есть в столице. Если найду что-нибудь из духовной пищи, непременно вышлю, сразу же. Будешь коротать длинные зимние вечера.

Звонил Наташе, не выдержал. Она «в страданиях», разумеется. Пишу без иронии, так как для нее это действительно страдания. Искренние, как сама Наташа. Притворяться, как некоторые, она просто не умеет. Мне показалось, что она снова «согласна на все». Тоскует по своей мучительнице – стокгольмский синдром, видимо. Но первая не придет – не жди. Позвони и сделай вид. Это ты умеешь. Ничего выяснять не надо – ни тебе, ни ей. Словом, все как обычно. Что вам делить? Две одинокие и немолодые женщины, связанные годами жизни. Начнешь есть ее пироги и супы и придешь в себя – повеселеешь! К тому же к зиме надо заклеить окна и проложить ватой рамы. Да, Наташа сказала, что наварила сливового повидла на всю зиму – Эвелина так любит, с поджаренным хлебом особенно! Так что у тебя есть повод помириться с ней – весьма весомый. Вспоминаю ваш местный кирпичик серого со сливовым джемом, и текут слюнки. Такого хлеба в столице, увы, нет! И такого повидла тоже. Приеду – и вас объем. Испугалась? А соберусь не раньше февраля. Будет командировка в Томск, на обратном пути заскочу на два дня к вам.

Не слопайте все повидло! Держись и будь умницей!

Г.

Подумайте только! И снова сплошная забота! И окна заклеить – не дай бог, замерзнет милая! И борща поест. И без сливового повидла не останется – не приведи господи! И подруге питерской завидовать не стоит – что за жизнь у этой подруги! Врагу не пожелаешь!

Лиля Брик местного разлива. Будь ты... Художница чертова! Писательница хренова. Лыжница. Кто еще? Эгоистка, самодурка, бессердечная дрянь.

И этот гад! Повидла с кирпичиком захотел! В Москве такого нет. Оголодал, бедный.

Что же не ушел ты к своей страдалице талантливой? Тонкой и изящной? Что же всю жизнь с рядовой бабой прожил, чувствительный такой и интеллигентный? С простой, неприхотливой, домашней клушей? Без любви, без страсти, по принуждению? Или – только на борщи купился и на чистые рубашки?

Значит, были поездки к ней, были. Пусть нечастые – раза два в год. А какая разница? Разве этого мало, чтобы сердце разорвалось совсем, в клочья?

Господи! Конспиратор чертов! Узнать бы об этом раньше, так послала бы тебя подальше... К Минц твоей, Эвелине прекрасной. К мольберту и повидлу сливовому.

И тут еще одна мысль пронзила сердце – а ведь чужими людьми жизнь они прожили. Совсем чужими! Про соседей по квартире больше знаешь, про попутчиков в поезде. Ни он про ее печали, ни она про его... Гадости.

Чудненко. Ладно, поехали дальше. И нечего себя беречь! Надо пройти все это до конца. Пройти, а потом решить, как жить дальше.

Если вообще стоит дальше жить.

Искренне за тебя рад! Говорил ведь, что все наладится, а ты, как всегда, впадала в панику. Вот и повеселись теперь. Знать подробности ни к чему – все хорошо, да и ладно, слава богу. Верю, что «он прекрасен». Или – делаю вид, что верю. Ну, не спорить же с тобой! Хорошо, что не из творцов, – с ними, с творцами, непросто. А человек реальной, земной профессии тверже стоит на земле. Горный инженер – неплохо. Только, видимо, командировки? Впрочем, и это хорошо. И даже отлично! Будете расставаться и наверняка дольше продержитесь! Так как вынести тебя... ну, ты и сама знаешь. Денег Наташе надо прибавить, ты права. И вас двое, и она не молодеет. Про твою язву – да, такие таблетки появились, ты права. Купить сложно, но Зиновий обещал – у него блат в аптекоуправлении. Вышлю сразу. А ты все-таки не забывай про диету. Поменьше шоколада и булок. Потерпи уж! Не то сбегит твой горный, как пить дать! И кому ты будешь нужна, больная? Только мне, правильно.

Никуда мне от тебя не деться, ох. Но судьбу я свою не кляню – отдаю, сколько могу, за то, что было дадено. А дадено было много...

Я собираюсь в санаторий, один, жена с дочерью едут в Прибалтику. Из санатория стану звонить чаще – там в комнате будет телефон. А к лету должна быть командировка в Польшу. Не Париж, разумеется, но все же. Подумай, чего бы тебе хотелось. Местных денег будет немного, но на мелочи, вроде косметики или мелкого баловства, хватит. Или духи? Польские, по-моему, ты любила? Буду бродить по Варшаве и вспоминать бледную и гордую полячку, которая разбила мне когда-то сердце. Милая панна! Я излечен вполне! Но от хлопот не отказываюсь – из человеческого сочувствия – исключительно! Засим прощаюсь. Горному – сердечный и пламенный.

P.S. А все-таки жаль мужика! И горную промышленность тоже – потеряет ценного кадра, а?

И что все это значит? Так, спокойствие, только спокойствие. Ее муж совершенно спокойно обсуждает с Эвой ее личную жизнь, ее любовников – старых и новых. Иронизирует, подтрунивает, предупреждает. Сочувствует этим несчастным обреченным мужчинам. Это факт. Значит, он с ней не в любовных отношениях? Они просто старые друзья, родственники, бывшие супруги. Между ними ничего нет, кроме памяти о прошлом, поддержки с его стороны и денежных отношений. Все!

Да нет, не все. Кроме всего перечисленного, у него есть к ней нежность, жалость, сострадание. И – невзирая ни на что,

он восхищается ею. И опять же невзирая на то, что говорит ей всю правду – о ее эгоизме, сварливости, требовательности к людям, отсутствии требовательности к себе, капризности, алчности, избалованности и непостоянстве, он ее уважает. Или, по крайней мере, считается с ней, с ее желаниями, пожеланиями, капризами, требованиями.

И что это? Что это, если не любовь? Только долг и жалость? Долг за что? И почему жалость?

Она ему небезразлична. Ее жизнь и проблемы для него на первом месте. Не семья, не жена, не единственная и любимая дочь – она, Эва Минц.

Он пишет, что «излечен». Чушь собачья. Ни один мужик, даже самый ответственный, самый надежный, не будет спрашивать про духи у женщины, с которой он расстался черт-те сколько лет назад и которая его не волнует.

Надя помнила ту командировку в Варшаву. Тогда, в самый застой, это была заграница, и еще какая! Польские журналы мод с томными красавицами были из другой, сладкой и неведомой жизни. В польском магазине «Ванда» давились за духами, помадой, кремом «Пани Валевска» и перламутровым лаком для ногтей.

Очереди были сумасшедшие. Такой вот «привет» оттуда. Когда муж объявил о поездке, она сладостно предвкушала косметику, духи, белье... Ну должен же он побаловать своих девочек!

Был составлен список – с колготками, бельем и помадой. Как она ждала счастливого мига! С каким трепетом открывала чемодан!

А дальше... Сплошное разочарование! Ни духов, ни колготок, ни чего другого.

Помаду он привез – мерзкого фиолетового цвета. А Надя просила перламутровую розовую.

На ее «Ну, как же так, Гриша!» он обиженно ответил:
– Я там работал! Непонятно? А купил на вокзале, в киоске, то, что было. Да и записку твою я потерял – выбросил, наверно.

Правда, слезы дочери его тронули – выдал пятнадцать рублей и сказал Наде, чтобы купила колготки у спекулянтов.

А фиолетовую помаду Надя подарила соседке и тоже успокоилась, хотя обида осталась надолго.

Да сколько было этих обид! Вагон и маленькая тележка. Разве все упомнишь? И ни к чему это в семейной жизни – так она всегда себя успокаивала. Всегда, но не сейчас.

Сейчас она ненавидела и своего мужа, и польскую панну, и всю свою прежнюю длинную жизнь, в которой не было ни любви, ни уважения, ни честности. А была, как оказалось, одна сплошная ложь.

Надя, как показывала жизнь, все же была из оптимистов. Сколько раз, во скольких жизненных ситуациях с соседками, подругами она непременно находила слова утешения. И еще

– она всегда умела находить повод, пусть самый ничтожный, для хорошего настроения.

Например, когда уехала Любаша и было такое разливанное море слез, тоски и тревог, она утешала себя тем, что дочка в спокойной стране, где тепло и отличный климат, где нет поддельных лекарств и просроченных продуктов, где люди не знают хамства и обмана. Ночами ревела, а утром цепляла на лицо просветленную, счастливую улыбку и напевала песенку, взбивая яйца для омлета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.